

Была глубокая ночь. Лунный свет проникал через дыры в крыше полуразрушенного дома и мягко освещал покосившуюся кровать. На кровати в странной позе лежал человек.

Неожиданно в полнейшей тишине послышался скрип расшатанной двери. Две тени, крадучись, как кошки, проникли внутрь.

Заметив, что лежащий на кровати юноша даже не пошевелился, загадочные гости немного расслабились.

«Это он?» — спросил один из них вполголоса.

Рассмотрев юношу в лунном свете, его спутник кивнул: «Всё верно, это он. Работаем».

Они подошли к кровати. Один из них снял с плеча мешок и расстелил его на полу. Судя по всему, они собирались загрузить в него лежащего на кровати человека.

«Парень, не вини нас, братьев. Ты можешь винить только самого себя за то, что имел несчастье не угодить нашему молодому мастеру. В любом случае, жить такой жизнью, как у тебя, бессмысленно, так что просто надейся на удачное перерождение после смерти. В следующей жизни тебе лучше родиться в богатой семье...».

«Кончай нести чушь. Быстро, клади его в мешок».

«Хм, почему он держит в руках кирпич? Ха! Да ещё так вцепился...».

«Не важно. Пусть оставит его себе. О, у меня появилась хорошая идея. Когда мы доберёмся до того места, не давай ему оружие. Пусть обходится этим кирпичом, всё равно ему не жить. Когда молодой мастер это увидит, ему это точно понравится. Возможно, он даже опять нас вознаградит».

«Ха-ха! Как низко... но идея мне нравится».

Движения ночных гостей были чёткими и слаженными. Похоже, они занимались этим далеко не в первый раз. Они погрузили юношу в мешок и крепко связали. После чего взвалили мешок на плечи и бесшумно растворились в ночи...

Бай Юньфэю на редкость комфортно спалось, по всему его телу разлилось тепло, а разум будто погрузился в приятный туман. Он не знал, где он находился, но просыпаться совершенно не хотелось.

«Юноша, проснись, проснись скорее...».

Внезапно в его уши ворвался чей-то голос, заставив голову немного проясниться. Он понял, что кто-то трясёт его за плечо. Юньфэй, наконец, смог разлепить глаза, после чего резко сел.

Потирая лоб с несколько отсутствующим выражением лица, он недоумённо пробормотал: «Что со мной? И где это я?».

Он внезапно понял, что на его жилище это место совершенно не походило. Он лежал на соломенной подстилке, а над ним склонился седовласый старик, с тревогой глядя ему в лицо.

«Дедушка, что это за место? И как я здесь очутился?» — спросил он с сомнением в голосе. Возможно, виной тому была искренняя тревога в глазах старика, но Бай Юньфэй немного расслабился.

«Что? Ты даже не знаешь, почему тебя схватили и притащили сюда? Ох... Юноша, ты перешёл дорогу не тому человеку. Тебя тоже схватило это животное из семьи Чжан?».

«Семья Чжан... Чжан Ян?» — Бай Юньфэй воскликнул, справившись с секундным замешательством.

«Ох, ты знаешь его? Чем ты ему досадил?! Ах...» — старик посмотрел на Бай Юньфэя и вздохнул, качая головой.

Юньфэй огляделся по сторонам и спросил: «Почему нас здесь заперли? Как долго нас здесь продержат?».

Они находились в большой комнате. Помимо соломы, устилавшей весь пол, в помещении не было больше абсолютно ничего. Не было даже оконного проёма. Слева от Бай Юньфэя был выход, заваленный брёвнами. Тюремная камера? Сквозь проход можно было увидеть широкое поле площадью в несколько сот квадратных метров. Поле было окружено стеной высотой 3-4 метра. Выше были расположены несколько рядов роскошных зрительских мест.

Бай Юньфэй и старик находились в самом углу комнаты. Помимо них в комнате находились ещё с десяток людей. Однако они выглядели куда более устрашающими. С первого взгляда становилось ясно, что это далеко не самые приятные представители общества. Они переговаривались вполголоса, не обращая внимания на Юньфэя.

«Сколько продержат? — услышав эти слова, на лице старика появилось странное выражение, — Юноша, ты... О боже! Весь Лоши знает, что немногим из тех, кто вызвал недовольство молодого мастера семьи Чжан, суждено остаться в живых...».

«Что? Я... Я умру?» — Бай Юньфэй застыл. Он непроизвольно повысил голос, навлекая на себя недружелюбные взгляды людей в камере. Юньфэй осёкся и уже более тихим голосом с беспокойством спросил: «Дедушка, то, что ты сказал, правда?».

«Увы, юноша, но не следует поддаваться панике. Что будет, то будет. Нет никакого смысла бояться...». Старик похлопал его по плечу и ободряюще сказал: «Кроме того, я слышал, как один из них сказал, что они заставят нас с кем-то сражаться. И если мы сможем выжить, они нас отпустят...». На губах старика появилась вымученная улыбка. Очевидно, он не думал, что у него или Бай Юньфэя, старика и юнца, будет хороший шанс уцелеть.

«Сражаться...» — сердце Бай Юньфэя задрожало, он ещё больше перепугался. Но заметив доброе и понимающее выражение глаз старика, он постепенно успокоился. Возможно, доброта старика напомнила ему его собственного дедушку...

«Дедушка, а ты...».

«Фамилия моей семьи – У. Ты можешь называть меня дядюшкой У».

«Эм, дядюшка У, ты-то как тут оказался?».

Но его неосторожный вопрос привёл к тому, что мягкое выражение лица старика внезапно сменилось маской горя. В его глазах сверкнула ярость, он заскрежетал зубами, будто дикий зверь, готовый разорвать жертву на части.

Внезапная перемена ошеломила Бай Юньфэя, он даже отшатнулся в испуге.

Спустя какое-то время враждебность в глазах старика потухла, он тихо вздохнул и произнёс: «Прости, я напугал тебя?...».

Видя, что старик пришёл в себя, Бай Юньфэй выдохнул с облегчением и замахал рукой: «Нет, всё в порядке... Дядюшка У, если ты не хочешь говорить об этом, то не нужно себя заставлять...».

«На самом деле, рассказывать особо не о чём. Я хотел убить этого молодого мастера Чжан Яна, набросился на него с мачете, а его слуги схватили меня и заперли здесь».

«Что?». Юноша с трудом мог себе представить эту картину.

«Это животное... Этот Чжан Ян, он... Из-за него умерла моя внучка!» — лихорадочно заговорил дядюшка У, его трясло. «Моей бедной Сяо Юй-ер было лишь 16!».

«Три дня назад внучка сказала мне, что хочет пойти прикупить кусок ткани и сделать для меня новую одежду. Она сказала, что зима уже близко и что она не может дать мне окоченеть...». В этот момент в глазах дядюшки У светилась любовь и доброта, а на лице появилась слабая улыбка. Бай Юньфэй явственно почувствовал безграничную любовь старого человека к своей внучке. Точно такое же выражение лица было у его дедушки, когда он смотрел на Юньфэя.

«Но... Если б я знал, что отпустив её в этот раз, я больше никогда её не увижу!» — печаль накрыла его лицо, из глаз покатились слёзы.

«Сосед прибежал и рассказал, что Сяо Юй-ер схватили слуги Чжан Яна. Я ринулся к дому семьи Чжан, просить вернуть её обратно, но когда я прибежал... она была уже мертва!».

«Сяо Юй-ер, моя дорогая внучка... Она не пожелала мириться с оскорблениями Чжан Яна, и это животное избило её до смерти!».

То же выражение свирепого зверя, готового разорвать всё и вся, снова возникло на лице дядюшки У, но на этот раз Бай Юньфэй не испугался. Он чувствовал лишь печаль и гнев.

«После того, как я похоронил внучку, соседи посоветовали мне смириться, сказав, что для меня бессмысленно пытаться свести счёты с семьёй Чжан. Я и сам это прекрасно знал. Когда речь заходит о простолюдинах вроде нас, то даже если семья Чжан убьёт ещё пару человек, мэр просто закроет на это глаза. Наши жизни не стоят и ломаного гроша в их глазах».

«Но я не мог этого стерпеть! Если бы я даже не попытался чего-нибудь предпринять, то я был бы просто не достоин своей внучки! Я бы жалел об этом до скончания своих дней! Так что я взял мачете из дома, подкараулил его, когда он вышел пьяный из борделя и набросился на него. Я хотел порубить его на мелкие кусочки! Я хотел, чтобы он своей жизнью расплатился за жизнь моей внучки!».

«В итоге... Ещё до того, как я смог коснуться даже края его одежды, меня схватили его головорезы, а потом... Меня посадили сюда. Я здесь уже день и ночь... Кхе-кхе...».

Когда дядюшка У закончил свой рассказ, от пережитого волнения его пробил нездоровый кашель.

Бай Юньфэй долго молчал. Он не мог подобрать слова, чтобы как-то утешить старика, поэтому он поймал его трясущиеся руки, похлопал по спине и заботливо сказал: «Дядюшка У, не перенапрягайся. Побереги себя. Этот человек хуже животного. Когда-нибудь ему воздастся по заслугам...».

Дядюшка У несколько оторопело посмотрел на Юньфэя. Лишь через какое-то время он пришёл в себя, чтобы ответить: «Вот ведь... Моя Сяо Юй-ер часто брала меня за руки и хлопала по спине, упрекая, что я слишком перенапрягаюсь... Юноша, я всё ещё не знаю твоего имени».

«Я Бай Юньфэй. Зови меня просто Юньфэй».

«Эм, Юньфэй, я могу наверняка сказать, что ты славный малый... Таких людей остаётся всё меньше в наши дни. Сейчас люди, явно или тайно, заботятся только о себе. Они могут пойти на что угодно, совершенно не заботясь о жизни или смерти других людей. Они отбросили свою

человечность. Ведь человек должен жить с чистой совестью...». Дядюшка У прервался, увидев, что Бай Юньфэй смотрит на него поражённо, и спросил: «Что не так? Ты не согласен со мной?».

«Нет, я просто вспомнил своего почившего дедушку. Он... он говорил мне то же самое».

В этот момент снаружи камеры раздался шум, и появились люди. Они принесли две корзины – с пирогами и с водой – и прокричали: «Эй, народ! Идите сюда и ешьте! Вы должны как следует подкрепиться, чтобы у вас были силы поставить на кон свои жизни!».

В корзине действительно было более чем достаточно пирогов, так что, только когда остальные десять или около того людей наелись, дядюшка У встал и сходил за едой. Он также зачерпнул чашей воды, а затем вернулся к Бай Юньфэю, протянул ему пироги и сказал: «Ты голоден? Давай есть. Нам понадобятся все наши силы».

Бай Юньфэй, переговариваясь вполголоса с дядюшкой У, принялся за пироги. При виде доброго взгляда старика у него кольнуло в сердце. С момента смерти дедушки он никогда не испытывал этого чувства, особой «теплоты», со стороны других людей.

После плотной трапезы они ещё немного поговорили, прежде чем дядюшка У устало привалился к стене и задремал. Тем не менее, Бай Юньфэй не стал выбираться из своего угла. Только сейчас у него выдалась минутка, чтобы разложить по полочкам то, что с ним произошло днём ранее.

«Как так вышло, что все раны и ссадины на моём теле полностью исчезли?». Только сейчас Юньфэй обнаружил, что никаких следов вчерашних побоев на его теле не осталось и в помине! Он чувствовал себя абсолютно здоровым.

«Вчера вечером... похоже, я отключился? Почему? Точно! Апгрейд... Кирпич!».

Думая об этом, Юньфэй неосознанно потянулся рукой куда-то за спину. И, неожиданно, его рука действительно нащупала предмет с ровными краями и углами – это было не что иное, как вчерашний кирпич, который он сжимал в руке, когда потерял сознание!

«Когда тебя вчера приволокли, ты крепко сжимал этот кирпич в руке... Эта вещь так важна для тебя?» — с сомнением спросил дядюшка У, глядя, как он подбирает кирпич.

«Э-э... да нет, этот кирпич я подкладывал под ножку кровати...». Юньфэй не знал, как объяснить. К счастью, видя затруднения юноши и его обескураженное выражение лица, дядюшка У не стал продолжать расспросы, лишь пару раз хихикнул.

Юньфэй опустил голову и посмотрел на кирпич:

[Качество предмета: Нормальное]

[Уровень апгрейда: +10]

[Урон: 9]

[Дополнительный урон: 16]

[+10 Дополнительный эффект: При атаке существует 1% вероятность оглушить цель на срок до 3 секунд (если удар приходится в голову, то шанс оглушить возрастает до 5%)]

[Требуется для апгрейда: 12 зарядов души]

«Значит, это всё мне не приснилось...».

«+10 Дополнительный эффект? Оглушение? Что это значит? Если я кого-то ударю этим кирпичом, конечно я его оглушу. Зачем здесь даже указана вероятность в несколько процентов?».

«Надо улучшить его ещё раз и посмотреть, что получится».

Но он быстро отказался от этой идеи. Вчера вечером он потерял сознание, судя по всему, как раз из-за того, что улучшал этот кирпич. Как он мог позволить себе такую беспечность сейчас, в таком месте?

Сжимая кирпич в руке, Бай Юньфэй погрузился в размышления. В себя его привёл внезапный шум.

Он повернулся и увидел, что за это время роскошные зрительские места уже заполнились людьми в богатых одеждах. С первого взгляда можно было сказать, что это богатеи и аристократы. На лицах каждого из них было написано предвкушение. Они о чём-то возбуждённо переговаривались друг с другом вполголоса.

«Дамы и господа! Добро пожаловать в Колизей!».

Внезапно, громкий голос раздался над ареной. Перешёптывания на зрительских местах временно прекратились, возбуждение в глазах господ достигло такого уровня, что граничило с безумием.

«Эти жалкие создания будут бороться за выживание и сражаться друг с другом, как дикие звери! Это душераздирающая и кровавая арена! Давайте же все вместе насладимся

сегодняшним зрелищем!».».

<http://tl.rulate.ru/book/298/5019>